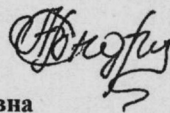

0-777759

На правах рукописи

АНДРЕЕВА Валерия Юрьевна

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНОГО
САБОТАЖА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

59

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Курск – 2009

Работа выполнена на кафедре иностранных языков Курского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Светлана Вениаминовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Романов Дмитрий Анатольевич

кандидат филологических наук, доцент
Матченко Герман Валерьевич

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится 14 мая 2009 г. в 10 часов на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском
государственном университете по адресу: 305000, г. Курск,
ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского
государственного университета.

Автореферат разослан «6» апреля 2009 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета
доктор филологических наук

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'I. S. Klimac'.

И. С. Климас

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению коммуникативного саботажа в речевой деятельности человека, а именно выявлению стратегий и тактик и используемых при этом языковых выражений, которые способствуют или препятствуют достижению соответствующих целей.

Антропоцентрическая парадигма в языкознании способствует появлению значительного количества работ, посвященных коммуникативной деятельности человека, причем в сферу научных интересов исследователей попадают явления, которые раньше оставались незамеченными. Внимание ученых притягивают не только феномены, характеризующие кооперативное или, напротив, некооперативное общение, но и те, речевой статус которых является промежуточным.

В настоящей диссертации рассматривается коммуникативный саботаж как диалогический прием оказания скрытого противодействия в речевом общении с целью игнорирования содержательной части высказывания, уклонения от общения или его прекращения. Коммуникативный саботаж еще не представлял собой предмет целенаправленного и всестороннего исследования в лингвистике и психолингвистике, а его упоминание встречается в ограниченном количестве работ (см. работы Т.М. Николаевой, К.Ф. Седова, Е.Л. Доценко, С.А. Мегентесова, И.И. Меньшикова). Неоднозначность изучаемого явления, возможность с его помощью оказывать внутреннее сопротивление в рамках нормы, не нарушая формально кооперативного хода беседы, позволяет трактовать данный феномен (некоторые из его вариантов) как толерантный способ оказания речевого воздействия. Моделирование процесса саботирования позволяет выявить основные варианты реализации коммуникативного саботажа в разных типах дискурса, а также его влияние на контекст ситуации общения.

В реферируемой диссертации разграничивается кооперативное и некооперативное общение и в соответствии с этим выявляются лингвистические маркеры выражения перечисленных форм общения. Выявляется специфика исследуемого феномена на основании сравнения его с речевой агрессией, конфликтом, коммуникативным давлением, языковым насилием и языковым сопротивлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией и речевой демагогией.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тенденцией к разработке принципов толерантного общения и недостаточной систематизацией стратегий и тактик коммуникативного саботажа в теории коммуникации, а также языковых средств саботирования.

Объект исследования – политический и бытовой дискурс.

Предмет – прием коммуникативного саботажа как имплицитно выраженное речевое сопротивление и языковые средства его выражения.

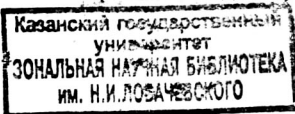
Цель исследования – системное представление феномена коммуникативного саботажа и выявление его стратегий и тактик.

Поставленная цель потребовала решения следующих *задач*:

- представить обзор существующих трактовок феномена речевой деятельности в психологии, психолингвистике, когнитивной лингвистике с целью определения места коммуникативного саботажа;
- выявить и сопоставить основные характеристики понятий дискурс и политический дискурс;
- проанализировать основные характеристики таких явлений, как коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика; привести существующие классификации коммуникативных стратегий и тактик; разработать классификацию, отвечающую целям исследования;
- провести сопоставительный анализ коммуникативного саботажа с предлагаемыми в настоящее время сходными некооперативными явлениями: речевой агрессией, конфликтом, языковым сопротивлением, языковым насилием, коммуникативным давлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией, языковой демагогией; обобщить полученные результаты в целях проверки валидности сформулированных теоретических положений;
- проанализировать истоки и причины использования приема коммуникативного саботажа; выделить основные коммуникативные стратегии и тактики, характерные для коммуникативного саботажа; описать варианты развития диалога после использования коммуникативного саботажа на основе механизма вероятностного прогнозирования;
- разработать модель коммуникативного саботажа в политическом и бытовом дискурсах и описать когнитивный сценарий саботирования в каждом прототипическом случае.

Теоретическим основанием диссертационного исследования послужили работы Н.Д. Арутюновой, Т.А. Воронцовой, М.Р. Желтухиной, О.С. Иссерс, А.В. Кравченко, В.В. Красных, А.А. Леонтьева, Т.М. Николаевой, П.Б. Паршина, К.Ф.Седова, Е.В.Сидорова, И.А. Стернина, Е.И. Шейгал, выполненные в русле теории речевой деятельности, прагматики, теории коммуникации, когнитивной лингвистики.

В ходе работы нами использовались следующие **методы и методики** исследования: описательный метод, теоретический анализ комплексного типа, обобщение фактов, полученных через наблюдение, методика

лингвистического сравнения, методика дискурс-анализа, методика компонентного анализа, методика прагматического анализа, методика когнитивного анализа, методика построения когнитивных моделей, статистический анализ полученного материала.

Материалом диссертационного **исследования** послужили разговорная диалогическая речь и политическое интервью. В качестве источника политического интервью были использованы российские газеты «Независимая газета», «Российская газета», «РФ сегодня», «Московские новости» с 1999 по 2009 год. Материал бытового дискурса был собран посредством записи естественной разговорной речи; объем картотеки – 572 ситуации. Для описания лексико-семантического поля коммуникативного саботажа были также проанализированы 40 словарных дефиниций.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что осуществление внутреннего сопротивления, противодействия в диалогической речи происходит по-разному в зависимости от речевой ситуации, социального и коммуникативного статуса собеседников, существующих между ними отношений. В разных типах дискурса коммуникативный саботаж может включать в себя различные речевые стратегии и несходные средства языкового выражения.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Для многостороннего описания коммуникативного саботажа необходим комплексный подход, так как данный феномен проявляет собственные характеристики среди смежных речевых явлений и подлежит углубленной внутренней дифференциации.
2. Коммуникативный саботаж представляет собой прием оказания речевого воздействия, выражающий скрытое сопротивление и направленный на игнорирование содержательной части высказывания с целью уклонения от общения, искажения или сокрытия информации.
3. Для каждого типа дискурса свойственны определенные языковые средства реализации коммуникативного саботажа, а также определенные стереотипы и модели поведения.
4. Основными коммуникативными стратегиями саботирования в политическом и бытовом дискурсе являются универсальные стратегии уклонения, игнорирования и стратегия открытого негативного реагирования. Данные стратегии реализуются в специфических для каждого типа дискурса тактиках.
5. Развитие контекста ситуации общения после использования приема саботирования происходит в основном по одному из трех направлений: 1) адресат саботирования различает имплицитно заложенное собеседником нежелание развивать данную тему и меняет направление беседы; 2) провокатор коммуникативного

саботажа своим настойчивым поведением, нарушающим коммуникативные нормы, провоцирует повторный саботаж; 3) происходит прекращение коммуникации.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к феномену коммуникативного саботажа, который до настоящего времени не являлся предметом специального изучения в рамках теории языка; в попытке исследования прагматической природы диалога через выявление языковых и стратегических средств его реализации, и представлении когнитивных сценариев развития диалога.

Теоретическая значимость работы. Проведенное исследование вносит вклад в теорию коммуникации; материалы диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения феномена коммуникативного саботажа, так как они расширяют научные представления о специфике речевого взаимодействия в процессе некооперативного диалога, а также описывают особенности языковой организации коммуникативного саботажа как приема осуществления внутреннего сопротивления.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций и спецкурсах, связанных с проблемами коммуникации: по теории и практике речевой коммуникации, прагмалингвистике, культуре речи, речевому воздействию, психолингвистике, когнитивной лингвистике, конфликтологии. Кроме того, данное исследование может быть полезно специалистам, занимающимся практическими проблемами коммуникации, – журналистам, политикам, бизнесменам, имиджмейкерам.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 11 публикациях, 2 из них представлены в изданиях, рекомендованных ВАК. Общий объем работ составляет 3,1 печатных листа. Теоретические аспекты работы и практические результаты были обсуждены на международных научных конференциях «Когнитивное моделирование в лингвистике» (Болгария, София, 28 июля – 3 августа 2007 г.); «Проблемы ономастологии и теории номинации» (Орел, 11–13 октября 2007 г.); «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, 20–21 сентября 2007 г.); «Прагмалингвистика и практика речевого общения» (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2007 г.); «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке» (Санкт-Петербург, ЛГУ, 24–25 мая 2008 г.); на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 8–10 октября 2008 г.), а также в ходе обсуждения на межвузовских научных конференциях: «Теория языка и межкультурная коммуникация» (Курск, июнь 2007 г.); «Текст. Дискурс. Жанр» (Балашов, 20–21 сентября 2007 г.); «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Челябинск, 10–13 декабря 2007 г.). Работа «Когнитивное моделирование процесса саботирования в речи (на материале политического, академического и

бытового дискурса)» заняла второе место в III Всероссийском конкурсе аспирантских работ по когнитивной лингвистике.

Структура работы определяется целями и задачами диссертационного исследования и включает введение, две главы, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, определяются предмет, объект, методы исследования, ставятся цели и задачи, формулируются выносимые на защиту положения.

В *первой главе* «**Теоретические аспекты изучения коммуникативного саботажа**» дается обзор ряда теоретических изысканий в области теории речевой деятельности и теории коммуникации, цель которого – показать сложность и многоплановость исследуемого явления. Для настоящего исследования особенно значимыми оказались работы Н.Д. Арутюновой, Т.А. Воронцовой, М.Р. Желтухиной, О.С. Иссерс, А.В. Кравченко, В.В. Красных, А.А. Леонтьева, Т.М. Николаевой, П.Б. Паршина, К.Ф.Седова, Е.В.Сидорова, И.А. Стернина, Е.И. Шейгал, выполненные в области прагматики, теории коммуникации, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики.

Явление коммуникативного саботажа рассматривается с точки зрения теории речевой деятельности, в рамках которой особое внимание уделяется фактору человека, его речевой деятельности, стоящим за ней психологическим особенностям личности, а также фактору ситуации, влияющему на использование человеком языковых и коммуникативных средств выражения своих интенций.

Вслед за А.А. Леонтьевым мы отмечаем, что в основе любой деятельности, в том числе речевой, лежит мотив, определяемый существующей потребностью. Мотивация и первичная ориентировка в сложившейся коммуникативной ситуации формируют речевую интенцию, или цель высказывания, которая впоследствии опосредуется в мысленно-языковой форме. В процессе ориентировочной деятельности на последующее речевое поведение человека также влияют имеющиеся у него установки, знания, жизненный и коммуникативный опыт, социальные и психологические особенности. Кроме того, на разворачивании высказывания отражается предполагаемый образ адресата. Также определенное влияние будут оказывать социальный статус обоих собеседников, их ценности, идеалы, предрассудки, стереотипы, образцы действий, преследуемые в общении цели, обстановка и условия общения, нормы, ритуалы, правила речевого и неречевого поведения, схемы, фреймы, сценарии речевого и неречевого поведения.

В процессе коммуникации происходит не только передача закодированного посредством языка сообщения, но и осуществление определенного воздействия. Речевое воздействие, рассматриваемое в терминах теории речевой деятельности, имеет своей целью определенную организацию деятельности человека, «провоцирование» поведения собеседника в нужном говорящему направлении.

При организации речевой коммуникации важным является наличие целей говорящих. Эти цели влияют на выбор языковых средств при построении высказывания (лексический уровень), на само построение фраз (синтаксический уровень), а также на направление речевой реализации замысла (стратегический уровень). На уровне коммуникативных (речевых) стратегий и тактик осуществляется планирование и, соответственно, последующее осуществление речевого высказывания на макроуровне.

Для того чтобы определить используемые в ситуации коммуникативного саботажа речевые (коммуникативные) стратегии и тактики, в первой главе рассматривается понятие речевой стратегии, подходы к ее пониманию, существующие классификации коммуникативных стратегий и тактик. В лингвистике проблема коммуникативных стратегий и тактик исследована достаточно хорошо, однако различные подходы привели к неоднозначному пониманию данного понятия. В рамках когнитивных исследований стратегия интерпретируется как определенные когнитивные операции, связанные с восприятием дискурса, т.е. стратегии понимания и интерпретации смысла (Т.А. ван Дейк, В. Кинч). С точки зрения текстового подхода стратегия рассматривается как «содержательный элемент текста», «своеобразный текст в тексте», «сложный языковой знак» (Методология исследований политического дискурса), как «план (инициация) и реализация текста» (Методология исследований политического дискурса). При этом внимание акцентируется на наличии определенного плана, реализующегося в процессе построения текста, и на позиционной структуре текста. Психологический подход к феномену коммуникативной стратегии предполагает понимание последней как «осознания ситуации в целом, определения направления развития и организации воздействия», «развернутой во времени установки субъекта на общение» (Л.Ю. Веретенкина), «обмена собеседниками своими “интенциональными состояниями”, способствующий возникновению “психологической основы для речевого воздействия”» (В.Н. Степанов). В конфликтологии коммуникативная стратегия является средством управления конфликтом (см., например, работы М.Р. Желтухиной, Н.В. Муравьевой, И.И. Гулаковой). С позиций психолингвистики в рамках исследований ментального лексикона под стратегией понимают способы «овладения и пользования языком (т.е. средства автоматизированного использования существующих ресурсов)», а коммуникативные стратегии

рассматриваются как «средства компенсации неадекватных ресурсов для овладения языком» (А.А. Залевская). В рамках прагмалингвистического подхода стратегия определяется как «совокупность речевых действий» (И.В. Труфанова); как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» (Е.В. Клюев); как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» (О.С. Иссерс). Рассмотрение коммуникативных стратегий с точки зрения теории коммуникации осуществляется Е.Г. Борисовой и Л.Ю. Веретенкиной, которые определяют исследуемый феномен как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» (Е.Г. Борисова), или как «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организации взаимодействия», «развернутая во времени установка субъекта на общение» (Л.Ю. Веретенкина).

В рамках нашего исследования уточняются термины коммуникативная стратегия и тактика в соответствии с поставленными в работе целями. Коммуникативная стратегия понимается нами как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, формируемой в процессе речевой деятельности под воздействием мотива, который, в свою очередь, обусловлен соответствующей потребностью. Коммуникативная тактика является иерархически более мелким уровнем планирования речевого поведения и выступает в качестве способа реализации стратегии. Проведенный анализ научных работ, исследующих коммуникативные стратегии и тактики в разных типах дискурса, показал, что сложно говорить о создании единой классификации коммуникативных стратегий и тактик, поскольку человеческая речь ситуативна и обусловлена множеством факторов, а в основе коммуникативных стратегий лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов. На основе анализа собранного нами речевого материала были выделены основные коммуникативные стратегии и тактики, характерные для реализации коммуникативного саботажа. Предложенная нами классификация выглядит следующим образом:

стратегия уклонения:

- тактика ухода от ответа,
- тактика уклонения от темы,
- тактика смены темы,
- тактика контроля над темой,
- тактика переадресации;

стратегия игнорирования:

- тактика игнорирования,
- тактика молчания;

стратегия открытого негативного реагирования:

- тактика отказа,
- тактика возражения,
- тактика возмущения,
- тактика оскорбления,
- тактика отрицания.

Рассмотрение коммуникативного саботажа с теоретической точки зрения (даже если он не выделяется авторами как таковой) происходит в рамках теории речевого воздействия, теории коммуникации (стратегический подход), коммуникативно-дискурсивного подхода (речевая агрессия), лингвистики и конфликтологии, причем в последней преимущественно с точки зрения используемых речевых стратегий и тактик. В исследованиях, посвященных непосредственно коммуникативному саботажу, последний определяется как фигура лингвистической демагогии или манипулятивный прием информационного воздействия, при котором «предыдущая реплика игнорируется, а в ответ вводится новое содержание» (Е.Л. Доценко), а также соотносится с разновидностью скрытого речевого намерения и речевой провокации, имплицитной речевой агрессии, языковой категорией, направленной на подрыв кооперативного общения, с барьером в общении, одним из типов речевого поведения в конфликтной ситуации. В лингвистике с понятием коммуникативного саботажа соотносятся понятия демагогии, многословия, перифраза, неоднозначности и имплицитности.

На основании теоретического анализа существующих исследований отметим, что коммуникативный саботаж является недостаточно исследованным феноменом, в связи с тем, что упоминается всего лишь в нескольких работах (Т.М. Николаева, К.Ф. Седов, Е.Л. Доценко, С.А. Мегентесов, И.И. Меньшиков), но не рассматривается во всем своем многообразии и многоаспектности. Вместе с тем в рамках других парадигм проводятся исследования, так или иначе затрагивающие явление коммуникативного саботажа. Их авторы не прибегают к использованию термина, введенного Т.М. Николаевой, однако это не мешает нам соотнести обсуждаемые феномены с рассматриваемым нами понятием и признать их проявлениями коммуникативного саботажа, отдельными аспектами его рассмотрения.

Рассматривая коммуникативный саботаж с точки зрения разных теорий, можно предложить следующие определения его сущности.

В рамках теории речевого воздействия коммуникативный саботаж – это прием суггестивного воздействия, при котором происходит

игнорирование содержания реплики партнера и навязывание своей тематики разговора.

С точки зрения стратегического подхода к общению наиболее близкими коммуникативному саботажу являются тактики уклонения, ухода от ответа, смены темы.

В конфликтологии саботаж является барьером в общении, и также выражается в уклонении от темы обсуждения и контроле над темой (навязывании собеседнику своей позиции и темы разговора).

В рамках коммуникативно-дискурсивного подхода коммуникативный саботаж частично соотносится с понятием имплицитной речевой агрессии.

С точки зрения лингвистики коммуникативный саботаж можно определить как способ отражения косвенного смысла, использующийся в непрямой коммуникации и часто представленный в языковом плане демагогией, перифразом, неоднозначностью.

В русле теории речевых актов коммуникативный саботаж можно обозначить как косвенный речевой акт, имплицатурой которого является демонстрация нежелания обсуждать предложенную тему.

Сказанное выше свидетельствует о том, что исследуемый феномен не имеет жестко закрепленного содержания, а это создает благоприятные возможности для использования его в новом научном контексте.

В реферируемой диссертации **коммуникативный саботаж** рассматривается в рамках теории речевой деятельности и понимается как *диалогический прием оказания речевого воздействия, выражающий скрытое сопротивление человека и направленный на игнорирование содержательной части высказывания собеседника с целью уклонения от общения, искажения или сокрытия информации*. Участник диалога «саботирует» реплику говорящего в соответствии с имеющимися у него мотивами и установками. Ими могут быть нежелание продолжать беседу на данную тему, убеждение в том, что она не достойна для обсуждения, или отсутствие желания вступать в коммуникацию.

Коммуникативный саботаж определяется нами как явление, характеризующее диалогическую речь, межличностное взаимодействие. В широком смысле коммуникативный саботаж относится к разряду некооперативных явлений, поскольку предполагает эксплицитно выраженное игнорирование партнера по коммуникации вследствие имеющегося внутреннего несогласия, противодействия, выраженного в речевой коммуникации имплицитно. Однако в конкретных ситуациях общения коммуникативный саботаж может являться как средством провоцирования конфликта, так и способом его нейтрализации.

Сравнение коммуникативного саботажа со смежными некооперативными явлениями: речевой агрессией, конфликтом, коммуникативным давлением, языковым насилием и языковым

сопротивлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией и речевой демагогией – позволяет сделать вывод о том, что явление коммуникативного саботажа, с одной стороны, объединяет все вышеуказанные формы речевого поведения, с другой – не является идентичным ни одному из них. Соответственно, можно отметить, что он лишь частично пересекается с ними, представляя собой самостоятельное явление, в рамках которого перечисленные формы поведения используются как возможные варианты речевой реализации.

Проведенное нами наблюдение показало, что коммуникативный саботаж встречается в разных типах дискурса, предполагающих межличностное (не коллективное и не массовое) общение. Нам представилось интересным описать различия функционирования коммуникативного саботажа в институциональном и межличностном дискурсах, вариантами реализации которых нами были выбраны политический и бытовой дискурс, как сферы, где использование коммуникативного саботажа является наиболее частотным.

Вторая глава «Комплексное описание явления коммуникативного саботажа» посвящена детальному и разностороннему описанию изучаемого нами явления. В целях определения сущности коммуникативного саботажа, смысла, стоящего за эти термином, производится описание его лексико-семантического поля. Последнее понимается нами как совокупность языковых единиц, объединенных интегральным семантическим признаком и отражающих определенную понятийную сферу. В лексико-семантическом поле коммуникативного саботажа выделяется микрополе действия с семантическими зонами активной позиции противодействия, несогласия, оказания негативного влияния и отказа от деятельности, микрополе деструктивного взаимодействия, а также микрополе внутреннего состояния человека.

Поскольку коммуникативный саботаж, как и любое некооперативное явление, не может возникнуть спонтанно, нами были проанализированы причины его использования. Среди них можно выделить факторы, характеризующие психофизиологические особенности коммуникантов, и факторы, относящиеся непосредственно к оформлению речевого высказывания, т.е. внешние и внутренние причины его использования. Если рассматривать коммуникативный саботаж в психолингвистическом аспекте, то это – сбой в общении, вызванный провокационными или нарушающими коммуникативные правила действиями собеседника, своего рода психологическая защита от вторжения во внутриличностное пространство. В качестве основных причин коммуникативного саботажа, соответственно, выделяются следующие:

внешние:

- нарушение коммуникативных норм и правил поведения в конкретной ситуации общения;
- нарушения коммуникативных норм и правил поведения, связанные с социальным или коммуникативным статусом собеседника;

внутренние:

- защитная реакция (часто агрессия как ее разновидность), вызванная вторжением в личную сферу;
- некооперативный настрой на общение, связанный с отрицательным психоэмоциональным состоянием.

Следующим шагом в нашем исследовании было описание языковой репрезентации изучаемого явления. В связи с тем, что вербальное воплощение коммуникативного саботажа различается в зависимости от типа дискурса, в котором он используется, нам представилось логичным описать специфику его функционирования в разных типах дискурса. Кроме того, сопоставление используемых при саботировании языковых средств способно выявить особенности изучаемого явления.

Как мы уже отмечали, языковая реализация коммуникативного саботажа зависит от типа дискурса, ситуации общения, социального и коммуникативного статуса собеседников. В институциональном дискурсе в формальной ситуации общения человек должен больше контролировать свои речевые действия, в связи с чем он не склонен использовать конфликтные формы поведения, речевую агрессию. Его поведение больше напоминает действия манипулятора, пытающегося незаметно для собеседника изменить ход диалога, повлиять на направление беседы. В бытовом межличностном дискурсе при неформальной ситуации общения человек более свободно нарушает коммуникативные нормы и правила речевого поведения, склонен к использованию более «кардинальных» средств при саботировании.

Основными коммуникативными стратегиями саботирования в политическом дискурсе являются стратегия уклонения (с тактиками ухода от ответа, уклонения от темы, смены темы, контроля над темой и тактикой переадресации), стратегия игнорирования (с тактикой игнорирования) и стратегия открытого негативного реагирования (с тактиками отказа, возражения, возмущения и отрицания).

В бытовом дискурсе количество используемых стратегий и тактик разнообразнее: добавляются тактика молчания в стратегии игнорирования и тактика оскорбления в стратегии открытого негативного реагирования. Кроме того, используются комплексные тактики: тактика ухода от ответа + возмущение, тактика отказа + оскорбление.

Результаты анализа синтаксических средств показали, что для бытового дискурса характерен простой синтаксис: преобладание простых,

неполных предложений; большое количество вопросительных конструкций, а также эмоционально-экспрессивный компонент: восклицательные и побудительные предложения. Политический дискурс характеризуется более сложной организацией речи, объемными высказываниями, сложным синтаксисом. Преимущественно используются полные предложения, больший процент употребления сложных предложений. Среди типов предложений, выделяемых по цели высказывания, преобладают повествовательные. Эмоционально-экспрессивный компонент выражен на уровне синтаксиса слабее. Одинаковым для обоих типов дискурса является соотношение использования отрицательных конструкций, они составляют примерно четвертую часть общего количества предложений.

На лексическом уровне коммуникативный саботаж в бытовом дискурсе отличается большей экспрессивностью (использование эмоционально-оценочных единиц, большого количества частиц), в то время как политический дискурс совмещает в себе черты разговорного и научного стиля и включает как эмоционально-оценочную лексику, разнообразные клише печатной речи, так и термины, аббревиатуры, характеризующие научный стиль. В целом, саботирование в бытовом дискурсе более эмоциональное, иногда агрессивное, представляет собой небольшую реплику, являющуюся непосредственной реакцией человека. Коммуникативный саботаж в политическом дискурсе более близок к демагогии, пространному рассуждению, менее эмоционален, характеризуется использованием уже знакомой информации, соскальзыванием на знакомые темы, в рамках которых человек чувствует себя более свободно.

Приведенные результаты еще раз подтверждают то, что вербальные средства выражения мыслей человека, реализующие его цели, намерения и желания, зависят от ситуации говорения, социального и коммуникативного статуса собеседника. Использование коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе говорит о неподготовленности речи, спонтанности реакции, тогда как в политическом дискурсе саботирование часто включает использование стандартных, клишированных выражений, а также уклонение от темы и оперирование уже известными коммуниканту данными.

Мы уже отмечали, что коммуникативный саботаж часто является поворотным моментом в развитии диалога с точки зрения кооперации / некооперации общения. С одной стороны, он может провоцировать развитие конфликта, как, например, в следующих мини-диалогах. Реплики саботирующего выделены жирным курсивом.

(1)

– Ты где деньги взял?

– *А какое твое собачье дело?*

(1a)

— Отец говорил : тобой?

— А тебе-то что?

— А то, что если отца слушаться не собираешься, так мать покажет, где раки зимуют!

С другой стороны, коммуникативный саботаж может являться средством нейтрализации, заглушения конфликта.

(2)

— Сколько ты будешь упрекать меня?

— **Все хорошо, дорогой.**

— Когда все это кончится?

— **Не волнуйся, все хорошо. Тебе нельзя волноваться.**

Кроме того, коммуникативный саботаж может являться индикатором незаинтересованности саботирующего в последующем общении и, соответственно, приводить к прекращению коммуникации.

(3)

— Поздравляю с онем рождения! Счастья, любви, понимания!

— Спасибо!

— Как вообще дела?

— **Ничего. Спасибо, что позвонила, пока.**

Настойчивые переспросы, настаивание на своем часто приводят к повторному использованию коммуникативного саботажа.

(4)

— То есть вы, как большинство политиков, убеждены, что есть некое зерно мессианства?

— Не знаю. Я это чувствую, и мне даже это снится.

— Снится? И что вам снится? Какие последние сны?

— **Не скажу.**

— Но что-то хорошее?

— **Не скажу.**

— Страшно?

— **Ну... это слишком много.**

— То есть вы хотите стать президентом?

— Это нереально. Но, конечно, хочу.

(Интервью с Ириной Хакамадой «Буду создавать мифы» // <http://www.vsoloviev.ru/strasti/text.mhtml?PubID=126>)

В том случае, если адресат коммуникативного саботажа желает продолжить коммуникацию в кооперативном русле, ему следует учитывать имплицитно выраженное в коммуникативном саботаже нежелание развивать данную тему и сменить ее на более нейтральную.

(5)

— Заметно ли вырос рейтинг Дмитрия Медведева?

– Я бы не выделял поведение Медведева в отдельную специфическую категорию. Так же как раньше было безусловное одобрение Путина, так и сегодняшнего президента все поддерживают. Медведев пока не воспринимается обществом как самостоятельная независимая фигура. Я бы сказал, что одобрение власти не дифференцировано. Хотя отмечу, что Дмитрий Анатольевич ведет себя так, как и подобает российскому главе государства.

– Насколько эмоционально отношение россиян к происходящему в Осетии? Народ скорбит душой – или это лишь информационный повод для легкой беседы?

– Внутреннее массовое отношение россиян глубоко отстраненное и равнодушное. Гуманных чувств здесь не будет. Хотя при очень большом внутреннем безразличии народа к происходящему поведение Медведева одобряют.

(Интервью со Львом Гудковым «Свои всегда правы» // «Независимая газета» 20 августа 2008)

Л. Гудков не дает конкретного ответа на вопрос о том, насколько вырос рейтинг недавно выбранного президента. Причиной этому может служить нежелание рассуждать и высказывать свое мнение более детально насчет правящей власти. Ответ на вопрос осуществляется в размытых выражениях (*сегодняшнего президента все поддерживают, пока не воспринимается как самостоятельная независимая фигура, Дмитрий Анатольевич ведет себя так, как и подобает российскому главе государства*). Журналист понимает неловкость позиции интервьюируемого и меняет тему разговора на более нейтральную.

Таким образом, основными вариантами развития диалога после использования коммуникативного саботажа являются:

1) с точки зрения кооперации / некооперации:

- провоцирование конфликта,
- нейтрализация конфликта;

2) в аспекте дальнейшего развития диалога:

- прекращение коммуникации,
- повторный саботаж,
- смена темы.

Наиболее частым способом развития диалога после использования коммуникативного саботажа в политическом дискурсе является смена темы, затем с большим отрывом идет повторный коммуникативный саботаж. Прекращение коммуникации было зафиксировано нами только в одном случае. Такое соотношение объясняется спецификой жанра интервью, где интервьюируемый не вправе прекратить коммуникацию при наличии желания у журналиста продолжить ее, в то время как журналист в силу присущего ему такта и с целью соблюдения принципа этичного общения не вправе настойчиво расспрашивать собеседника о неприятных

для него вещах или требовать ответа на вопросы, вызывающие стойкое сопротивление коммуниканта. Вместе с тем достаточно высокий процент повторного коммуникативного саботажа говорит о том, что данный принцип соблюдается далеко не всеми журналистами.

В бытовом дискурсе наиболее типичным вариантом развития диалога также является смена темы, что говорит о понимании собеседником внутреннего состояния саботирующего, его имплицитно выраженного желания не затрагивать предложенную для обсуждения тему. Примерно одинаковое количество коммуникантов стремятся прекратить коммуникацию вообще или своими настойчивыми действиями провоцируют повторное использование коммуникативного саботажа. Подобные способы развития диалога объясняются меньшей формальностью ситуации общения, а значит, большим разнообразием различных форм вербального и невербального реагирования.

С целью описания взаимосвязанных процессов, лежащих в основе поведения двух собеседников при использовании приема коммуникативного саботажа, в реферируемой диссертации было произведено моделирование процесса саботирования, описаны когнитивные сценарии реализации процесса саботирования с точки зрения когнитивной лингвистики.

Коммуникативный саботаж – явление, характеризующее диалогическую, реже полилогическую речь. В связи с этим в своей работе мы рассматриваем функционирование коммуникативного саботажа в диалогической речи. В рамках нашей модели представлены два участника диалога: K1 и K2 – коммуникант 1 и коммуникант 2, а именно процесс их общения (см. рис.1). С течением времени при линейном развертывании диалога эксплицируются разные эмоциональные состояния (на рисунке – это срезы на эллипсоидах. Сам диалог, или вербальное пространство собеседников, это плоскости посередине рисунка, соответствующие речевым ходам собеседников. Тонкие сплошные (и пунктирные – как еще один вариант развития диалога) стрелки, идущие от плоскостей, указывают последовательность речевых ходов. По результатам исследования мы пришли к выводу, что инициальная реплика коммуниканта 1 (K1), несмотря на то, что часто является провоцирующей, рождается при его кооперативном настрое на общение, при наличии положительных эмоций. Однако эта же реплика порождает внутреннее сопротивление у адресата, который считает вопрос (реже утверждение) неуместным, неактичным, находящимся не в рамках его компетенции или не тем, информацию по которому ему хотелось бы освещать. Это внутреннее противодействие коммуниканта 2 (K1) вербализуется в форме коммуникативного саботажа.

Уход от ответа на вопрос, уклонение от темы, смена темы, игнорирование вопроса K2 не является ожидаемой реакцией для K1,

который надеется получить ответ (или же подходящее ситуации утверждение), что производит эффект нарушенного ожидания. Несмотря на некоторое разочарование от недостигнутой цели (требуемый ответ не получен), К1 осознает интенции К2 прекратить общение на данную тему. Таким образом, использование К2 приема коммуникативного саботажа позволяет остаться в рамках кооперативной коммуникации и одновременно дать понять о нежелательности продолжения диалога в данном русле. То, каким образом К2 «саботирует» обращенную ему реплику – отказ от коммуникации (вербализованный и нет), уход от ответа на вопрос, уклонение от темы, переадресация вопроса, игнорирование, смена темы, развитие своей темы при одновременном игнорировании реплики собеседника, – зависит от его индивидуального опыта, потребностей, установок, убеждений, ценностей, намерений и мотивов, физического или психического состояния на данный момент. Поэтому сплошные тонкие стрелки на схеме означают влияние потребностей, убеждений, установок, индивидуального опыта, физического и психического состояния на форму речевых высказываний (или коммуникативных ходов). Во избежание загромождения схемы эти стрелки показаны только по отношению к первому высказыванию, однако, предполагается, что все указанные психические процессы и явления влияют на весь процесс коммуникации.

Дальнейшие действия К1 также зависят от его индивидуального опыта, потребностей, установок, убеждений, физического или психического состояния. В рассмотренных нами случаях мы наблюдали два варианта действий: развитие предложенной К2 новой темы или же настойчивый переспрос, который в большинстве случаев приводит к повторному коммуникативному саботажу со стороны К2. Соответствующими речевыми реакциями К2 будут продолжение новой темы диалога или очередной коммуникативный саботаж при настойчивом повторе вопроса. На нашей схеме варианты развития диалога со стороны К1 изображены сплошной и пунктирной линией. Соответствующие реакции собеседника побуждают саботирующего прекратить коммуникацию (от чего последний испытывает эмоциональное удовлетворение, так как его интенция была осуществлена), продолжить обсуждение предложенной темы или же провоцируют вновь использовать прием коммуникативного саботажа.

Белыми объемными стрелками с прерывистыми концами изображены процессы производства и восприятия речи. Изменение контура обводки стрелки на пунктирный означает, что данный вариант развития диалога является добавочным, наряду с тем, который изображен стрелками со сплошным контуром.

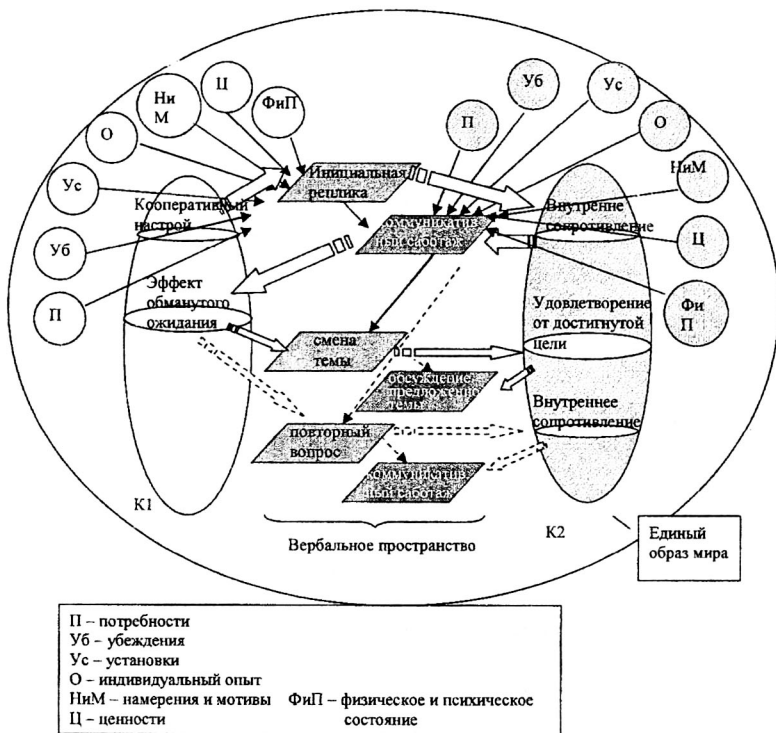

Рис. 1.

Модель процесса саботирования в политическом дискурсе в жанре интервью с политиком: смена темы и повторный коммуникативный саботаж

В бытовом дискурсе добавляется еще один вариант развития диалога после использовании приема саботирования – последующее прекращение коммуникации. Представление модели коммуникативного саботажа как настойчивого переспроса собеседника и смены темы является аналогичным модели коммуникативного саботажа в политическом дискурсе. Поэтому во избежание загромождения работы нам представляется уместным не повторять визуальное изображение первых двух вариантов саботирования, а представить модель отказа от коммуникации (рис.2).

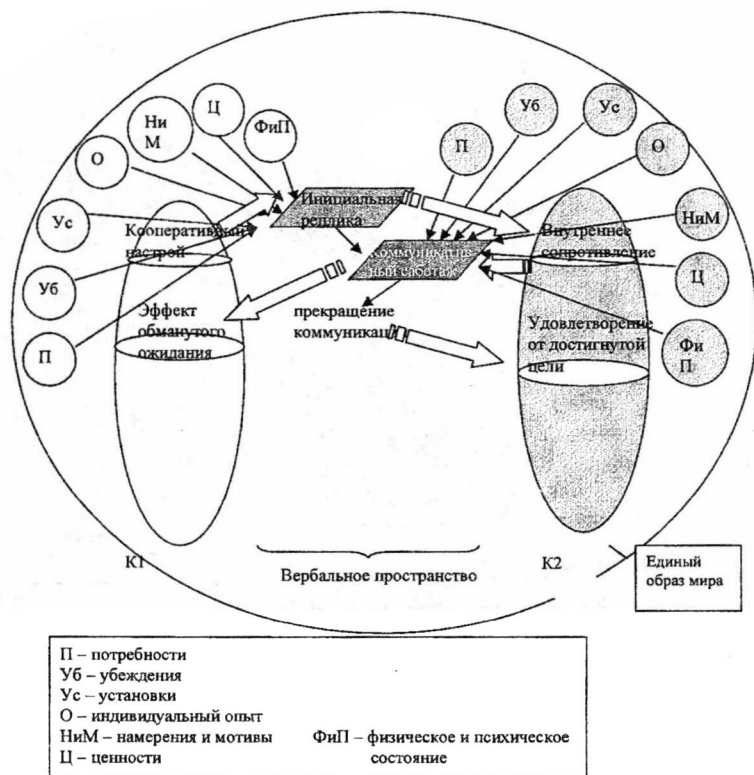

Рис. 2.

Модель процесса саботирования в бытовом дискурсе: прекращение коммуникации

В диссертации также приводятся когнитивные сценарии каждого прототипического варианта реализации коммуникативного саботажа и дальнейшего развития диалога.

Таким образом, в реферируемой диссертации предпринимается попытка комплексного описания явления коммуникативного саботажа с точки зрения его реализации в речи. Выдвинутая нами гипотеза о том, что языковая реализация коммуникативного саботажа осуществляется по-разному в зависимости от речевой ситуации, социального и коммуникативного статуса собеседников, существующих между ними отношений, а также сопровождается использованием различных стратегических и вербальных средств, подтвердилась.

Каждая глава диссертации заканчивается выводами. Текст работы сопровождается таблицами, схемами, диаграммами и рисунками.

В *заключении* обобщаются результаты диссертационной работы, намечаются основные перспективы дальнейшего исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Андреева (Скобликова) В.Ю.* Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Андреева // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. Серия Филология. Научный журнал. – 2008. – № 5 (19). – С. 82–93.
2. *Андреева (Скобликова) В.Ю.* Психолингвистический аспект коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Андреева // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. Общественно-гуманитарные науки. Научный журнал. – 2009. – № 92. – С.185–188.

Статьи в других изданиях:

3. *Скобликова В. Ю.* Лексико-семантическое поле коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Скобликова // Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды IX международной научной конференции / ред. В. Соловьев, Р. Потапова, В. Поляков. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – С. 317–323.
4. *Скобликова В. Ю.* Стратегии и тактики коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Скобликова // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.Ю. Сазоновой. Выпуск 7. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2007. – С.94–101.
5. *Скобликова В. Ю.* Номинативный аспект коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Скобликова // Проблемы ономастологии и теории номинации: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора И.С.Торопцева и 70-летию доктора филологических наук профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации М.С. Зайченоквой. – Орел: Изд-во Орловского гос. ун-та, 2007. – С.173–178.
6. *Скобликова В. Ю.* Стратегии и тактики коммуникативного саботажа в речи русских и американских политиков [Текст] / В.Ю. Скобликова // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: сборник материалов международной научной конференции. 20–21 сентября

2007 г. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. лингвистического ин-та им. Н.А.Добролюбова, 2007. – С.266–268.

7. Скобликова В. Ю. Способы реализации коммуникативного саботажа в речи русских и американских политиков [Текст] / В.Ю. Скобликова // Текст. Дискурс. Жанр: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Балашов, 20–21 сентября 2007 г. – Балашов: Изд-во Балашовского филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г.Чернышевского, 2007. – С.194–204.

8. Скобликова В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа в русскоязычном политическом дискурсе (на материале интервью) [Текст] / В.Ю. Скобликова // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник трудов международной научной конференции 24 ноября 2007 г. Изд-во Южного федерального ун-та, Ростов-на-Дону, 2007. – С.361–365.

9. Скобликова В. Ю. Коммуникативный саботаж как средство речевого воздействия [Текст] / В.Ю. Скобликова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы научной конференции 10–13 декабря 2007 г. / Отв.редактор О.А.Турбина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – Ч.2. – С.57–61.

10. Скобликова В. Ю. Скрытое речевое противодействие в ментальном пространстве русских и американцев [Текст] / В.Ю. Скобликова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Управление образования и науки администрации Тамбовской обл., Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Общерос. обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С.642–644.

11. Скобликова В.Ю. Краткий обзор теоретически работ, освещающих явление коммуникативного саботажа [Текст] / В.Ю. Скобликова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: международная научно-практическая конференция 24–25 мая 2008 г. – Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ, 2008. – С.128–132.

Андреева Валерия Юрьевна

Стратегии и тактики коммуникативного саботажа

Автореферат

Сдано в набор 03.04.2009 г. Подписано в печать 03.04.2009 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага «Снегурочка». Объем 1,0 усл. печ. л.
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 100 экз. Заказ № 712.

Отпечатано: ПБОЮЛ Киселёва О.В.
ОГРН 304463202600213

10-